

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Окончен бал,
погасли
свечи

Повесть

Комплекс
Наполеона

Повесть

ЭКСИО

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Окончен бал, погасли свечи

«Научная книга»

2006

Серова М. С.

Окончен бал, погасли свечи / М. С. Серова — «Научная книга», 2006 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

К частному детективу Тане Ивановой обращается не кто-нибудь, а потомственная колдунья Кассандра, и с томными придыханиями и паузами сообщает, что у нее на глазах сожгли подругу и ее жениха. И если сначала Татьяна сомневается, стоит ли вообще разговаривать с жутковатой посетительницей, увешанной медальонами и закутанной в черный балахон, то после такого заявления, Иванова приходит в ярость. К чему напускать туман и описывать общение с духами по поводу убийства там, где требуется четкое изложение событий? Взяв себя в руки, женщина-медиум рассказывает невероятную историю...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Серова

Окончен бал, погасли свечи

ГЛАВА 1

В то ясное октябрьское утро казалось, ничто не сможет испортить мне настроения, даже неизбежность приближающейся зимы. Осень выдалась такой теплой и солнечной, что невольно думалось, будто зима вообще не наступит. Понимая разумом, что такое все же вряд ли возможно, я упорно старалась выжать из этого чудесного сезона максимум прелестей. В лес на шашлыки и просто погулять – подышать свежим воздухом – я уже наездилась вдоволь, с разными компаниями. Меня даже угораздило искупаться в Волге в начале октября, причем не просто окунулась и тут же вылезла с синими губами и лязгающими зубами, а с удовольствием проплыла метров сто и обратно. Конечно, в моей детективной практике случалось лезть в воду и в гораздо более холодное время, но то была обусловленная спецификой работы необходимостью, а в этом году – именно удовольствие от купания. И поэтому я продолжала строить планы на осень примерно такие же, какие я строю летом.

А вот чего мне совершенно не хотелось в этот период, так это работать. Не хотелось тратить такие чудные дни на отлавливание-отслеживание очередного злодея. Кстати сказать, меня никто и не беспокоил вот уже три с половиной недели, но я и не переживала. Работы в течение года у меня обычно навалом, так что подобные «окна» выдаются нечасто. Так что навыки свои растерять мне не грозит, равно как и остаться без средств к существованию: я вообще могла бы уже выйти, что называется, в отставку и безбедно жить всю оставшуюся жизнь на свои сбережения. Но это в случае, если бы мной в расследованиях двигало лишь желание обогащения. А мною движет в первую очередь интерес к своему занятию, иначе я просто не стала бы менять пусть не очень высокооплачиваемую, зато стабильную работу в Тарасовской прокуратуре на весьма сомнительную и рискованную профессию частного детектива. Но я сделала свой выбор уже давно, и, как показало время, это был правильный выбор.

И если я когда жалела о нем, то лишь на короткое время, просто от досады, что не дали еще немного отдохнуть. Но каждый раз, соглашаясь на новое дело, я очень скоро начинала испытывать азарт и рьяно бралась за работу. Выполнив ее по полной программе, удовлетворив просьбу клиента и утешив собственное самолюбие, я снова на какое-то время погружалась в отдых. Часто он выдавался весьма кратковременным, бывали случаи, когда к новому делу приходилось приступать, едва завершив предыдущее, буквально в тот же день. И откуда только силы брались? А тут уже почти месяц – и тишина... Тишина и покой. И я рада.

Не зря я начала с этого предисловия: чувствовала же, что радоваться и отдыхать мне осталось недолго. Я даже не стала обращаться к своим излюбленным помощникам – двенадцатигранным костям, умеющим предсказывать будущее. Чтобы не расстраиваться. Увы, это был просто самообман: очередное дело не заставило себя ждать.

Как раз в то самое октябрьское утро и раздался звонок в дверь. Причем меня удивило, что именно в мою дверь, а не в домофон. В первый момент я подумала, что это кто-то из соседей, но, посмотрев в «глазок», увидела совершенно незнакомую женщину. Поинтересовавшись, естественно, кто она и по какому поводу, я услышала низкий глуховатый голос:

– Мне нужна Татьяна Иванова, частный детектив... Нам требуется ее помощь. У нас беда. «Что ж, кажется, пожаловал новый клиент», – отметила я и открыла.

Женщине было лет за сорок. Что меня несколько удивило – так это темно-зеленый платок на ее голове, закрученный наподобие тюрбана и полностью скрывающий волосы. На женщине был надет длинный черный балахон, завязанный ниже талии поясом, причем как-то очень

замысловато. На груди болтался медальон, выполненный в виде какой-то интересной, незнакомой мне фигуры. В ушах – продолговатые серьги, на пальцах – необычные перстни, похоже, очень старинные. Черные, резко подведенные глаза женщины смотрели на меня проницательно. С одной стороны, ее взгляд как бы свидетельствовал, что она хочет понять, что я собой представляю, а с другой – словно говорил: «Ну вы же догадываетесь, с чем я к вам пришла».

– Проходите, – просто сказала я.

Женщина медленно ступила в прихожую, столь же пристально осмотрела ее и зачем-то потрогала обои на стене. Затем, не снимая туфель, прошла в комнату.

– Присаживайтесь, – предложила я, указывая на кресло.

Женщина ничего не ответила мне, а вместо этого пощупала подушку на диване, которую я, провалявшись все утро, не успела убрать.

«Да, клиент нынче странный пошел», – отметила я.

– Перьевые подушки нужно немедленно выбросить! – вдруг категоричным тоном заявила ранняя гостья.

– Почему? – ошеломлена от такого начала разговора, спросила я.

– Потому что именно в них прячут все зло.

– Как это? – не поняла я.

Женщина несколько устало и снисходительно улыбнулась и сказала:

– Неужели вы думаете, что никто в жизни не желал вам зла, даже мысленно?

– Ну таких людей в моей жизни было предостаточно, – невольно улыбнулась и я. – И не только мысленно, но и очень даже действенно.

– Так чего же вы спрашиваете? – пожала плечами незнакомка. – Завистники, любовницы мужей, мстительные свекрови и тещи, мнимые подруги, бывшие мужья и жены желают зла человеку и реализуют свои черные замыслы. Именно в подушки попадает всякая гадость, которая отравляет человеку жизнь, разрушает ее и часто просто медленно убивает. Знаете, почему у многих людей не складывается жизнь, а они об этом даже не подозревают?

– Неужели из-за подушек? – изумилась я.

– Не из-за подушек, а из-за того, что в них заключено. Мне доводилось лично вспаривать старые подушки и перины, и вы не представляете, что в них обнаруживалось! Стекла, клочки волос, окровавленные предметы – и все это, чтобы причинить зло тому, кто на них спит. Естественно, все это барахло тут же выбрасывалось на помойку – люди приходили в ужас от того, на чем им приходилось спать. И после этого их жизнь становилась совершенно другой.

– Но как же эти предметы попадают туда? Кто даст бывшей жене или любовнице мужа вспаривать подушку или перину?

– Милая моя, ведь это делают не люди! – многозначительно подняла палец женщина и тут же добавила, протянув мне руку: – Меня зовут Кассандра.

Я пожала ее – рука была очень холодной, – и женщина тут же посмотрела на мою ладонь.

– Ваша жизнь будет весьма непростой. Вы получите много всего – как хорошего, так и плохого. У вас будет много друзей и много врагов, но вы навсегда останетесь одинокой. Вы и сейчас одна, – прозвучал глухой голос, и мне показалось, будто это мои гадальные кости вдруг заговорили, настолько вещания незнакомки напомнили трактовку их предсказаний.

Я отдернула ладонь. Холод руки этой женщины словно проник в меня, пробежал по всему телу, до кончиков пальцев на руках и ногах. Кассандра смотрела мне в глаза.

«Может быть, послать ее подальше? – пришла мне в голову мысль. – Тетка явно с отклонениями, нужна мне такая клиентка? Тем более что и солнышко вон светит, лучше бы поехать куда-нибудь развеяться...»

Тем не менее я интуитивно чувствовала, что Кассандра играет, искусственно напускает туману и таинственности и даже некой опасности. Минутный страх, охвативший меня при

общении с ней, уже улетучился, и теперь я рассуждала здраво. Лучше все-таки выслушать эту женщину, а потом уже решать – послать ее куда подальше или нет.

Кассандра словно угадала мои мысли, потому что поспешно сказала:

– Вы, ради бога, не сочтите меня за сумасшедшую. Я вполне нормальный и адекватный человек. Просто мне дано нечто большее, чем другим людям.

И она закатила глаза к потолку.

– Оккультными науками небось увлекаетесь? – усмехнулась я. – Блаватскую почитываете?

– Я не увлекаюсь, – с легким упреком поправила она меня. – Я этим живу, понимаете? Я умею общаться с духами, я знакома с магией, я... Я много чего могу. Но пришла я к вам совсем не по этому поводу.

– Вот, кстати, хорошо, что вы об этом вспомнили, – порадовалась я. – Вы, кажется, хотели обратиться за помощью, говорили о какой-то беде. Поэтому давайте пройдем на кухню, выпьем кофе, и вы мне спокойно все расскажете. Без привлечения духов, если можно.

– Пойдемте, – согласно кивнула Кассандра. – Хотя кофе напрасно превращен в повседневный напиток. Он обладает огромной силой, с ним нужно обращаться бережно.

– Оставим все же эту тему. Если вы кофе не хотите, могу предложить вам чай. Ну а я уж, грешным делом, выпью чашечку.

– Нет, почему же, я не стану отказываться, – сказала Кассандра, следуя за мной на кухню и усаживаясь на табуретку.

– Так я жду, – напомнила я, наливая воду в турку и доставая пакет с кофе.

Кассандра, однако, не могла начать так сразу говорить о деле. Сперва ей нужно было несколько раз вздохнуть, горестно покачать головой, что-то пошептать... Я спокойно все это выдержала, стоя у плиты.

– Мою подругу чуть не убили, – наконец проговорила она и добавила жутким шепотом: – Ее хотели сжечь!

Мне волей-неволей стало жутковато, я передернула плечами и повернулась к Кассандре.

– Вы, конечно, хотели спросить, кому мог прийти в голову столь варварский способ, – решила за меня Кассандра. – Именно это вы и должны узнать.

– А почему же не вы? – разливая кофе, спросила я. – Вы ведь, кажется, с духами общаетесь...

– У духов есть свои тайны, – не задумываясь, ответила женщина-медиум. – Но мне удалось узнать, общаясь с духом Екатерины Медичи, что этот человек очень сильно ненавидел мою подругу. Просто смертельно!

– По-моему, это можно было понять и без духа Екатерины Медичи, – усмехнулась я, садясь напротив Кассандры с чашкой в руках. – И, кстати, почему вы выбрали именно этот персонаж для общения?

Помолчав, Кассандра ответила:

– Потому что это была выдающаяся женщина. Она сама обладала магическими знаниями. Я чувствовала, что мы с ней сможем найти общий язык.

– На мой взгляд, она была обыкновенная отравительница, интриганка, – пожала я плечами, – но не станем развивать эту тему. Вы мне лучше расскажите, что произошло. И как зовут вашу подругу?

– Ее зовут Инесса, Инесса Вавилова. Она вдова.

Снова молчание.

– Так, и что? – начала я раздражаться.

– А то, что она собиралась снова выйти замуж. И ее подожгли вместе с женихом. Можно сказать, на моих глазах.

– Если на ваших глазах, почему вы не знаете, кто это сделал? Послушайте, или вы рассказываете все по порядку, без томных придыханий и пауз после каждой фразы, или я сразу же отказываюсь заниматься вашим делом! – разозлившись, выпалила я, перестав соблюдать приличия. – И не надо мне говорить, что за столь бессердечный поступок я буду обречена на вечные муки в аду! Где все произошло, когда, кто еще там находился, что с ее женихом! Вот что нужно говорить, если вы не понимаете!

Кассандру, кажется, испугала моя вспышка. Она быстренько собралась с мыслями и принялась рассказывать:

– Это случилось на даче, летом, почти три месяца назад.

– На чьей даче? – перебила я.

– На даче Инессы... Вернее, не совсем так. Дача принадлежала ее бывшему мужу. Но туда часто приезжают также его сын с женой, сама Инесса, ну и... другие люди. В тот день там собралась большая компания – праздновали день рождения Александры. И вот...

– Кто такая Александра? – вновь пришлось перебить мне, поскольку Кассандра говорила так, будто я сама должна знать это.

– Александра – жена умершего Аркадия, мужа Инессы, – сказала Кассандра, и у меня глаза полезли на лоб.

– Стоп-стоп, – подняла я руки. – Помедленнее, иначе я сойду с ума. Кто, вы сказали, жена Аркадия? Александра? Или Инесса? И как у него может быть жена – даже две! – если он умер?

Кассандра тяжело вздохнула, словно давая мне понять, как трудно общаться с людьми «неизбранными», которым приходится объяснять столь очевидные вещи.

– Александра – первая жена Аркадия. У них есть сын Кирилл. Ему сейчас двадцать пять лет. Сама Александра умерла восемь лет назад. Спустя некоторое время Аркадий женился на Инессе. А три с небольшим года назад он и сам умер, вернее, трагически погиб. Инесса осталась вдовой. Она очень страдала...

– Это сейчас не имеет значения, тем более что она все-таки собралась повторно замуж, – вставила я. – Вы говорили о дне рождения Александры... Но ее же нет в живых.

– Это неважно! – воскликнула Кассандра. – Они всегда хранили память о ней, Аркадий в первую очередь. Он каждый год отмечал день рождения своей первой жены, и всегда на даче. Ведь день рождения у Александры был летом, в самый разгар сезона. И после его гибели Инесса как порядочный человек продолжала эту традицию. Вы просто не представляете, что она за человек, таких очень мало. И Кирилл чтит память матери. Они каждый год в этот день собирались все вместе. Потом и жена Кирилла к ним присоединилась, когда он женился. Всегда вместе приезжали, с ребенком. Друзья семьи приезжали.

«Странно, а вот память отца они почему-то не чтили подобным образом, не продолжили пусть странноватую, но традицию, – подумалось мне. – Или это не имеет значения?»

– Так кто собрался в тот день на даче? – спросила я вслух.

– Значит, так... – стала припоминать Кассандра. – Ну, естественно, Инесса, я, Игорь... Игорь – это и есть ее жених. Кириченко его фамилия. Мы приехали все втроем. Там уже были Кирилл с Ольгой и Аликом.

– Алик – это их сын?

– Да. Потом подъехали Даша и Паша, это их друзья, тоже молодая пара. У них детей нет.

Кассандра теперь стала, кажется, слишком усердно исправлять собственные оплошности и рассказывать обо всем чересчур подробно. Но меня такое положение устраивало куда больше, чем всякие недомолвки. Я уже не перебивала и молча слушала.

– Потом появился Владимир Ефремович, это старый друг Аркадия. Отставной моряк, храбрый офицер, умница, красавец – ах! – простонала Кассандра, прижав ладони к груди. – Просто мечта всех женщин. Он уже в возрасте, конечно. Хотя, знаете ли, многим молодым даст фору, – добавила она.

– А вы что, на собственном опыте в этом убедились? – не удержалась я от некоторой бестактности.

– Ну что вы! – воскликнула потенциальная клиентка. – Как можно! Правда, и я женщина одинокая, и он, но... Он слишком горд, сух, недоступен... Может быть, поэтому у него и не сложилась личная жизнь. Не стану же я ему вешаться на шею. Хотя я была бы не против наших отношений, – кокетливо добавила она и вдруг бесцеремонно бухнула, махнув рукой: – Да и вы были бы не против.

Последнее замечание я вообще никак не стала комментировать, уже несколько привыкнув к странностям последовательницы Елены Блаватской. Я подумала о другом. Если этот самый Владимир Ефремович был другом Аркадия Вавилова, то при чем тут день рождения его покойной жены? С какой стати? Или он оказался там случайно?

– Скажите, а он каждый год посещает это мероприятие? – уточнила я.

– О да! – подтвердила Кассандра. – Он по-другому просто не может, он очень порядочный человек. Он же с юности был знаком с Аркадием и с Александрой. Они служили вместе. Они дружили много лет. Это для него дань уважения.

– Ну хорошо, допустим, – задумчиво кивнула я. – А что там, говорите, с его личной жизнью?

– А ничего, – пожала плечами Кассандра. – Я же говорю, не сложилась. Кажется, он был женат, но потом жена его бросила, сбежала с каким-то любовником... О таких вещах ведь не кричат на каждом углу. Инесса мельком как-то упомянула при мне об этом, а ей, кажется, обмолвился Аркадий... Я же не стану лезть с расспросами к самому Владимиру Ефремовичу!

– Это понятно, – кивнула я. – Ну хорошо, дальше.

– Последней явилась Тамара. Это подруга Александры.

– Что, она тоже до сих пор общается с этой семьей? – удивилась я. – Ведь в этом кругу, как я поняла, уже никого не осталось из ее знакомых, все поменялось.

– Ну Кирилл-то остался, – напомнила Кассандра. – А она его с детства знала.

«Вряд ли взрослый Кирилл так уж нуждается в общении с подругой своей матери, которая умерла восемь лет назад, – подумала я. – Хотя без общения с остальными участниками странного торжества мне, конечно, не обойтись. Разумеется, если я возьмусь за это дело».

– Ой, я совсем забыла, – хлопнула себя по лбу Кассандра. – Там же был еще Рома!

– Господи, как много народу, – покачала я головой. – А это кто?

– Это младший брат Ольги, жены Кирилла. Ненамного ее младше, года на полтора. Легкомысленный паренек, но вроде бы добрый и безобидный. Он частенько крутится на этой даче, как член семьи. Да он и есть член семьи.

Похоже, и сама Кассандра часто появлялась на даче Вавиловых, иначе она не была бы так хорошо осведомлена о каждом из присутствовавших на дне рождения Александры. И по ее тону чувствовалось, что она и себя, безусловно, считает членом этой семьи.

– Хорошо, вот все собрались, и что дальше?

– Дальше все шло как обычно. Мужчины занимались шашлыками, женщины готовили закуску... Сходили на пруд искупаться – жарко очень было. Конечно, не всей толпой, а разбивались на кучки. Молодежь отдельно, кто постарше – в своей компании. Я, правда, не ходила – я не умею плавать и вообще воды боюсь. Есть в ней что-то...

– Сильное и мистическое, я понимаю. Дальше.

Кассандра слегка обиделась, но продолжила говорить:

– Ближе к вечеру все сели за стол. Ну, конечно, тосты, разговоры... Это же не поминки, поэтому все старались не сидеть со скорбным видом, а вести себя так, словно Александра и не умирала вовсе, что она сейчас с нами. А потом Инесса и Игорь объявили о своей свадьбе. Ну тут уж все стали их поздравлять. А после стали баню готовить. Это тоже традиция – баня. Дача

же очень добротная, просторная, обустроенная. Аркадий строил. Не сам, конечно, он рабочих нанимал и руководил, чтобы все точно было, как он хотел.

– А вы откуда знаете? Дача когда построена?

– Давно, еще когда Александра жива была. Так он сам рассказывал! Он вообще-то прихвастнуть мог. Но все же заслуженно хвастался-то, не на пустом месте. И баню выстроил, он париться очень любил. Я, знаете ли, грешным делом тоже люблю. После такое ощущение, будто заново родилась. Словно не только тело, но и душа очистилась от всякой скверны.

– И кто пошел париться первым?

– Первыми – молодежь: Даша с Пашей, Ольга, Ромка... Кирилл вот не пошел почему-то. Ну попарились они, потом решили Инесса с Игорем идти. Я хотела после. Тут молодежь решила, что выпивки маловато. Ромка говорит, я, мол, сейчас сгоняю на мотоцикле быстренько, тут у местного мужика самогон отличный. Я еще сказала: зачем самогон, когда вино есть? Ну а он отмахнулся, дескать, сами пейте свое вино, а мне чего покрепче надо. И Игорь его поддержал. Ну я спорить не стала, мое-то какое дело... Они молодые, организмы крепкие... В общем, Ромка уехал, Инесса с Игорем в баню пошли, остальные во дворе оставались, вроде как снова купаться на пруд собирались идти. А я решила пойти прилечь пока. Поднялась на второй этаж и задремала. Проснулась от криков, выбежала во двор и ахнула! Все мечутся, огонь, дым валом валит, девчонки визжат, Пашка с ведром бегают... А Кирилл вообще за столом сидит как окаменевший. Один Владимир Ефремович не растерялся, крикнул, чтобы срочно пожарных вызывали, а сам к бане кинулся. Крикнул только, чтобы никто не подходил. Дверь рванул, мы прямо обомлели все, думали, что сгорит он там. А он Инессу вытаскивает... Мы даже не поняли сперва, что это Инесса, она вся черная была... Потом за Игорем кинулся, да только... Крыша стала рушиться, он сам еле выскочить успел.

Кассандра перевела дух и горестно прижала ладони к покрасневшимся щекам.

– Может быть, хотите коньяку? – тихо предложила я. – Вина у меня нет, я вообще не любительница алкоголя, но подарочная бутылка коньяка стоит в баре.

Кассандра не отказалась, и я принесла ей бутылку и рюмку, а сама решила сварить еще кофе. После пары рюмок коньяка и чашки кофе Кассандра взбодрилась и собралась с мыслями.

– В общем, когда пожарные приехали и огонь затушили, вытащили обуглившиеся останки Игоря. Нам даже показывать не стали. А Инессу на «Скорой» увезли тут же в ожоговый центр, в реанимацию. Три недели она в реанимации под капельницами пролежала, врачи думали, что не выживет. И от нас этого не скрывали. У нее кишечник несколько раз отказывал, можно сказать, с того света ее вытащили. Никто уже и не верил, что она выберется. Одна я верила... Я спрашивала...

«Пушкин небось подсказал», – съязвила бы я в другой, менее трагической ситуации, но здесь, конечно, ничего не стала говорить.

– В общем, потом ее из реанимации уже в обычную палату перевели. Несколько операций сделали, пересадку кожи... Она вся в рубцах и в шрамах была. Я предлагала свою кожу, а мне врачи сказали, что она не подходит. Не понимаю, почему? Я уверена, что моя кожа ей бы подошла. В общем, три месяца она там провела. На ноги ее поставили, но... Сами понимаете, следы от ожогов и операций остались по всему телу. Особенно ее смущает, конечно, лицо. Поэтому Инесса сейчас практически никуда не выходит, носит темные очки. Еду и все необходимое ей приношу я. Она очень плохо себя чувствует, я имею в виду в первую очередь душевное состояние. То плачет, в истерике бьется, то целыми днями сидит заторможенная, на вопросы не отвечает, не ест. Приходится ее чуть ли не с ложки кормить. Нет-нет, я не жалуясь, меня волнует только, чтобы она окончательно поправилась.

– Ей бы не мешало показаться психотерапевту, – внесла я предложение. – После такого шока самой тяжело оправиться. Это будет намного дольше и труднее без помощи специалиста.

– Мы обязательно это сделаем, – кивнула Кассандра. – Только когда найдем человека, которому можно доверять. А то будет просто выкачивать деньги, я с этим хорошо знакома, поверьте. Пока ей помогаю я. Улучшение, конечно, уже есть, но все-таки до полного выздоровления еще далеко. И главное, оно не наступит, пока не будет ясно, кто совершил это чудовищное преступление? Инесса не успокоится, пока не получит ответ на этот вопрос. Поэтому мы и обратились к вам.

– То есть инициатива нанять меня исходила от Инессы? – уточнила я.

– Да.

– И именно она будет официально считаться моей клиенткой, я правильно поняла? Она, а не вы?

Задавая этот вопрос, я в первую очередь имела в виду, что от этого зависит, кто из них будет мне платить, и надеялась, что Кассандра поймет это.

– Совершенно верно, – подтвердила та. – У нее есть средства. После Аркадия много чего осталось...

– Вот об этом мы поговорим подробнее, но только сначала нужно сделать вот что. Я не могу принять Инессу в качестве клиентки, пока не увижу ее лично и не побеседую. Поймите меня правильно.

– Я вас прекрасно понимаю! – всплеснула руками верная подруга. – Нельзя принимать на веру слова незнакомого человека. Вы ведь можете решить, что никакой Инессы Вавиловой вообще в природе не существует?

Я улыбнулась:

– Такой вариант не исключен, хотя и маловероятен. Если только вы не плетете какую-нибудь сверхзапутанную интригу.

– Очень жаль, что вы не обладаете способностью чувствовать человека так тонко, как я, – с грустью сказала медиум. – Иначе эта встреча вам бы не понадобилась.

– Она бы мне понадобилась в любом случае, – отрезала я. – И вообще, это касается всех очевидцев происшествия. И еще. Не следует проявлять инициативы, помогать мне будете только в том случае, если я попрошу об этом. Если уж вы обратились ко мне, как к профессионалу, то доверяйте. Сейчас я задам вам еще несколько вопросов, и мы поедем к Инессе. Кстати, где она живет? Не на даче?

– Ну что вы! – ахнула женщина. – После таких кошмарных событий она вообще, я думаю, там никогда не появится. Возможно, дачу придется даже продать, хотя с ней было связано и много хорошего... Одним словом, это сложный вопрос, мы его стараемся не обсуждать, пока все не утрясется. А живет Инесса в своем доме, в коттедже на Молочке.

«Молочкой» в нашем городе называется удаленный от центра район, славящийся обилием зелени и отсутствием загазованности. Коттеджей за последние годы там было построено немало, в основном они возводились в девяностых годах, в период разгула бандитизма, рэкета и вытекающих из этого «лихих» денег. Многие из их хозяев уже покинули этот мир, увы, чаще не своей смертью, и кто проживал в них теперь, я не интересовалась. Наверное, дети, другие родственники... А может, они были куплены уже другой когортой богатых людей, крупных чиновников и политиков, в которую перекочевали и те, кто лет десять-пятнадцать назад занимался иными делами. А чем занимался сам Аркадий Вавилов? Откуда у него столько денег? Кассандра вроде бы говорила, что они служили вместе с Владимиром Ефремовичем. Где служили, на флоте? И он тоже ушел в отставку?

Все эти вопросы я немедленно задала Кассандре. Оказалось, что Аркадий Вавилов действительно окончил мореходку и много лет отдал нашему славному российскому флоту. Как и Владимир Ефремович Стоянов. И так же, как и он, подал в отставку несколько лет назад, после чего занялся бизнесом, а именно – открыл строительную фирму. Стоянов же, как человек более интеллигентный, занялся разведением различных сортов роз с последующей их реализацией,

с чего тоже имел неплохой доход, но несравнимый с вавилонским. После трагической гибели Аркадия Вавилова остались сама фирма, которая по-прежнему функционировала, яхта, дача, коттедж, энная сумма в банке, а также акции одного местного доходного предприятия. Именно на дивиденды с этих акций и жила после его смерти Инесса, имея, таким образом, возможность не работать, а заниматься живописью – чисто для собственного удовольствия, не для продажи.

– А вы чем зарабатываете на жизнь, простите? – спросила я Кассандру после того, как она мне все это объяснила. – Это я спрашиваю потому, что вы же много времени уделяете Инессе, работать, наверное, некогда?

– Милая Татьяна, я же вам говорила, я медиум! – с легким нажимом повторила подруга моей потенциальной клиентки. – Вы знаете, сколько людей обращается ко мне? И я могу сама назначать им время для сеансов. Слава богу, я ни от кого не завишу.

«А лицензия у вас имеется?» – так и крутился у меня на языке вопрос: видимо, вспомнилась работа в прокуратуре. Но я не стала его задавать.

В общем, одна малюет, другая шаманит. Летом на даче отдыхают, зимой в коттедже греются, на кофейной гуще гадают под вино или коньячок. Вот и все дела. Это я про закадычных подруг. Да и наверняка Инесса подкидывает деньжонок Кассандре за то, что та с ней возится. Я даже невольно позавидовала этим женщинам, что они так здорово и безопасно устроились в жизни. Но позавидовала не всерьез, потому что знала, что на мой характер я от такого бездельного существования давно бы сошла с ума.

– А теперь расскажите мне про этого Игоря. Кириченко, кажется, была его фамилия? Кто он, откуда взялся в вашей компании, что был за человек?

Кассандра ненадолго задумалась.

– Игорь одно время был другом Кирилла, – медленно сказала она. – Это Кирилл привел его в дом.

– Кирилла? – удивилась я. – Сколько же ему было лет, Игорю, я имею в виду, если Кириллу двадцать пять?

– Ну он был постарше Кирилла. Но, конечно, моложе Инессы, – уклончиво ответила Кассандра. – Где-то около тридцати.

«Лет двадцать восемь наверняка, – подумала я. – А Инессе – тридцать восемь, это в лучшем случае. Богатенькая вдовушка и... Понятно кто. И ситуация банальна. Нет, конечно, бывает, когда такие браки действительно заключаются по взаимной любви и уважению, но это большая редкость. Ладно, послушаем дальше».

– Кирилл несколько раз приходил с Игорем домой, и там они с Инессой и познакомились. Разговорились, понравились друг другу... Не сразу, конечно, у них отношения начались, но потом они поняли, что любят друг друга. И подходят. А это ведь очень важно! То, насколько люди могут уживаться вместе. Игорь был уверенный в себе, волевой, сильный. А Инесса – мягкая, слабая... Она нуждалась в сильном мужском плече. Особенно после смерти Аркадия, он тоже был сильный мужчина.

– Они жили вместе? В одном доме, я имею в виду?

– Нет, – покачала головой Кассандра. – Хотя своих отношений они не скрывали, но жили раздельно. У Инессы, правда, большая площадь, но там же проживали еще и Кирилл с семьей. Хотя места, конечно, всем бы нашлось.

– А почему же сейчас Инесса совсем одна? Куда делись Кирилл и его семья?

– А я разве вам не сказала? – опомнилась женщина. – Ведь Кирилла арестовали! А Ольга после этого ушла с ребенком к матери. Временно, разумеется, потому что мы все не верим в виновность Кирилла, это просто ерунда. Я проводила специальный спиритический сеанс, из которого стало ясно, что это не он.

– Но почему его арестовали, на каком основании?

Кассандра вздохнула и пожевала губами:

– Вообще-то, поведение Кирилла, наверное, и впрямь выглядело несколько странным, – сказала она. – Я же упоминала, что, когда возник пожар, все суетились, а Кирилл один сидел за столом. И еще... Кто-то – кажется, Ромка или Пашка – сказал, что видел, как Кирилл шел с канистрой бензина по двору незадолго до того, как начался пожар. И потом, на ней были действительно обнаружены отпечатки его пальцев.

– Но почему-то самого момента, как начался пожар, не видел никто, – задумчиво проговорила я. – Очень трудно будет сопоставить всю картину только по рассказам участников. Возможно, придется провести, что называется, следственный эксперимент.

– Что провести? – испуганно спросила Кассандра.

– Ну это у следователей есть такой термин, – улыбнулась я. – Когда хотят создать полную картину происшествия, то как бы разыгрывают сцену. Приглашают всех участников, и каждый показывает: где стоял, что делал, куда что положил... После этого становится ясно, как все было. И если кто-то врет, то это тоже легко можно установить, потому что тут же возникает нестыковка. Вы, наверное, могли наблюдать подобное в некоторых детективных фильмах.

– Я не смотрю детективных фильмов, – отрезала «избранная» женщина. – Я вообще стараюсь не смотреть телевизор, я читаю литературу. Очень умную, полезную литературу.

– Это просто замечательно. А что сочли мотивом преступления? Другими словами, почему Кирилл решил убить мачеху и своего друга?

– Этого мне никто объяснять не стал. Упоминались вроде бы какие-то финансовые дела, но мне это неинтересно, я в этом не разбираюсь совершенно!

– А где находится сама дача?

– В Вишневом поселке. А вы что, собираетесь туда поехать?

– Обязательно, – подтвердила я. – Тем более если следственный эксперимент все-таки придется проводить.

– Какая-то это сомнительная затея, – пробормотала Кассандра.

– Ладно, теперь можно ехать к Инессе. – Я посмотрела на часы. – Вопросов у меня будет еще много, но мы с вами не расстанемся. Пойдемте.

Я наскоро убрала со стола, и мы пошли в прихожую. Уже отпирая входную дверь, я повернулась к Кассандре и спросила:

– Скажите, а как ваши настоящие имя и фамилия?

– Екатерина Лобоцкая, – коротко ответила та.

ГЛАВА 2

Коттедж Вавиловых на Молочке выгодно отличался от многих других. В нем не было помпезности, но он обращал на себя внимание своей необычной архитектурой. Здание матово-белого цвета снаружи было округлой, словно обтекаемой формы. Я очень слабо разбираюсь в архитектуре, можно сказать, вообще не разбираюсь, но тот, кто спроектировал этот коттедж, явно обладал отличным художественным вкусом. Дом, несмотря на всю оригинальность, не выглядел кричаще.

Поймав мой восхищенный взгляд, Кассандра сказала:

– Аркадий рассказывал, что видел подобное в Мексике. Ему запомнилось, и потом он объяснил архитектору, как строить. Больше вы ни у кого такого не увидите.

В ее голосе прозвучали нотки гордости.

– Я сейчас открою ворота, и вы загоните машину, – продолжила Кассандра-Екатерина, когда я вдоволь налюбовалась домом снаружи, и добавила: – Внутри тоже есть на что посмотреть.

Когда мы шли по выложенной белым камнем дорожке к двери, Кассандра шепнула мне:

– Обязательно похвалите дом при Инессе, ей будет приятно.

Не знаю уж, до какой степени приятной была бы женщине похвала в адрес ее погибшего мужа при том, что она недавно потеряла нового жениха, но я кивнула в знак согласия. Я уже не удивилась, что Кассандра не стала звонить в дверь, а достала из объемистой сумки ключ и легко отперла замок сама. Ясно было, что ей приходилось это делать далеко не один раз, и я заново убедилась, насколько свободно она чувствует себя здесь.

Из дверей мы сразу же попали в большой холл, в котором я заметила две витые лестницы: одна вела наверх, а другая – вниз.

– Внизу кухня, – прокомментировала Кассандра. – Это снаружи кажется, что в доме два этажа, на самом деле их три. На верхнем находятся спальни.

– А где Инесса?

– В своей комнате, пойдемте.

И громко крикнула:

– Инесса, мы пришли!

Затем она толкнула дверь, и мы оказались в небольшой, уютно обставленной комнате. Посередине стояло кресло-качалка, в котором сидела женщина с книжкой в руках. На женщине было длинное темно-бордовое платье с высоким воротником. Густая темная челка закрывала лоб, пряди уложены на щеки, глаза спрятаны за темными очками. Словом, угадать черты лица женщины было довольно трудно. Открытыми оставались только кисти рук, но и на них можно было увидеть пятна: от светло-розовых до коричневых...

Не скрою, я испытывала к ней сочувствие, потому что понимала, насколько тяжело пришлось ей: сначала три месяца провести в больнице, ежедневно и еженощно терпя боль, а потом еще и дома находиться в постоянной изоляции от мира. Услышав, что мы вошли, женщина отложила книгу и повернулась к нам.

– Здравствуйтесь, – произнесла она спокойным тихим голосом. – Садитесь, пожалуйста. Я так и думала, что вы приедете. Сейчас вот сидела, пыталась читать книгу, а сама все время думала о другом, ждала вас... Как шум автомобиля услышу, сразу голову к окну поворачиваю.

– Добрый день, – усаживаясь на мягкий диван, ответила я. – Я приехала по вашей просьбе. Я понимаю ваше состояние, но наша беседа необходима, если вы хотите, чтобы я вам помогла.

– Да, конечно, – спокойно ответила Инесса. – Спрашивайте, мне нечего скрывать. Только Катя, наверное, вам уже все рассказала.

При этих словах Екатерина слегка поморщилась. Видимо, ей было приятнее, когда к ней обращались «Кассандра», во всяком случае при посторонних людях. Она села на диван рядом со мной и спросила:

– Инесса, ты ела что-нибудь?

– Да, – коротко ответила та, глядя на меня и ожидая вопросов.

– Как вы сами думаете, кто мог желать зла вам и вашему жениху? – начала я. – Возможно, обоим, возможно, порознь. Ведь не исключено, что смерти желали кому-то одному из вас, а второй оказался, что называется, не в том месте и не в то время.

– Я думала об этом, – кивнула Инесса. – И считаю, что они не любили меня все. Все!

– Вы кого имеете в виду? – осторожно уточнила я. – Кирилл и его семью?

– Вот как раз Кирилл относился ко мне лучше других, – усмехнулась Инесса. – Во всяком случае, мне казалось, что мы были друзьями. Ольга же меня терпеть не могла, ей хотелось, чтобы меня не было в этом доме, чтобы они с Кириллом жили свободно и самостоятельно. Тамара, подруга покойной Александры, так вообще меня съест была готова за то, что я вышла замуж за Аркадия...

– А ей-то какое дело? – удивилась я. – Вы же не отбивали его у жены, она умерла...

– Я-то нет, – усмешка не сходила с губ Инессы, – а вот она... Она же была влюблена в Аркадия, все надеялась, что после смерти Александры он на ней женится. А тут появилась я.

– А почему она на это надеялась? Были основания?

Инесса молчала.

– Вы, пожалуйста, мне все рассказывайте, иначе мы с вами будем гоняться за тенью и никогда ее не поймает, – поторопила я и подосадовала, что подобное мне приходится говорить чуть ли не каждому своему клиенту. Вот же странные люди! Обращаются с просьбой помочь, а потом начинают что-то умалчивать, выкручиваться, скрывать... Все равно что прийти к врачу с жалобой на боль и не говорить, в каком именно месте болит. Догадывайся сам как хочешь, трати кучу времени впустую!

– Мне просто не хотелось тревожить память Аркадия. – Голос Инессы дрогнул: не знаю, притворно ли, искренне ли. – Но он признавался мне, что у него была короткая интрижка с Тамарой. Просто интрижка, и больше ничего. Он говорил, что она сама на него вешалась, ну он и не удержался... А потом сразу все прекратил, а она рассчитывала, что он с женой разведется и на ней женится. Названивала ему, надоедала. С Александрой у них, кстати, тогда был скандал.

– А ей откуда стало известно?

– Так Тамара сама ей все рассказала! Думала, что она после этого Аркадия выгонит. Но та оказалась мудрой женщиной. Аркадий мне рассказывал, что она тогда с ним поговорила спокойно, но очень твердо. И он знал, что при повторении подобного она от него уйдет и забрет ребенка. Она была очень самостоятельная. Я ее никогда не знала, но я к ней отношусь с уважением. Я не такая, я слабая, я всегда боялась, что меня бросят... – Голос Инессы стал совсем тоненьким, и она, не выдержав, всхлипнула.

Кассандра вскочила и стала ее утешать. Инесса склонила голову ей на плечо и кивала, слушая, как подруга что-то шепчет ей на ухо. И я подумала, что Инессе на самом деле на пользу, что та торчит у нее днями и ночами. Полного одиночества женщина такого склада могла бы и не выдержать. Наконец она вроде бы успокоилась, Кассандра быстренько куда-то сбегала, принесла успокоительное и сок в высоком бокале.

– Кстати, – спохватилась она. – Хотите что-нибудь? Есть фрукты, сок, минеральная вода, чай, кофе...

Она подкатила маленький столик, на котором стояла ваза с фруктами, и поставила его между мной и Инессой.

– Мне стакан минералки, и больше ничего не нужно, спасибо, – кивнула я, и передо мной вскоре появилось желаемое. Успокоенная Кассандра снова села рядом.

Инесса рассеянно щипала виноград, взгляда ее за очками было не видно. Но просто так терять время мне не хотелось, и я вернулась к разговору.

– Но почему же Тамара до сих пор приходит на дни рождения Александры?

– Потому что ей хочется казаться чистенькой и верной подружкой, – ответила за Инессу Екатерина.

– Если бы вы знали, какая она ханжа! – подхватила и Инесса. – Лживая насквозь! Да вы бы сразу это поняли, если бы ее увидели.

– И на Владимира Ефремовича теперь заглядывается! – вскричала Кассандра, которой словно наступили на любимую мозоль.

– И над Кириллом постоянно сюсюкает: ах ты мой мальчик бедненький, да как же тебе не повезло, сиротинушке! А что так причитать? Да, конечно, он потерял родителей, но ведь он уже взрослый, и он не один – у него жена, сын... Я, наконец. И потом, хотела бы я видеть такого бедненького мальчика, который в двадцать пять лет владеет шикарным домом, своей фирмой, яхтой и суммой в банке!

– Подождите, так что, все имущество принадлежит Кириллу? – удивилась я.

– Владелец фирмы – он. Яхта тоже его. Дача моя. Дом наш общий. Деньги и акции после смерти Аркадия были разделены между нами поровну. У него есть своя машина. Мне досталась машина Аркадия, но она пока просто стоит в гараже. Я не умею водить, – короткими фразами, по пунктам, пояснила мне Инесса. – Если вам нужно посмотреть документы, чтобы досконально выяснить юридические подробности, то я вам их предоставлю.

– Это было бы неплохо, но чуть позднее, – кивнула я. Теперь финансовая ситуация в этой семье хоть чуть-чуть прояснилась. – Вернемся к Тамаре. Почему вы вообще ее пускаете, если друг друга ненавидите?

– Ну то, что я ее ненавижу, это сильно сказано. Я ее скорее презираю, – уточнила Инесса.

– Я тоже, – вставила Лобоцкая.

– А позволяю ей приходиться только из-за Кирилла. Ведь он не в курсе того, что было между ней и его отцом много лет назад. Может быть, он и не сильно бы расстроился, но вопросы бы точно стал мне задавать. И что бы я ему ответила?

– Ну можно было бы найти ответы при желании, – сказала я. – Думаю, вы просто не хотели скандала.

– Давно надо было ее выгнать! От нее черная энергия идет, – не удержалась от своей любимой темы Кассандра.

– Ладно, я поняла. Но думаю, что она все-таки вряд ли стала бы вас убивать только потому, что Аркадий женился не на ней, – вздохнула я. – Тем более что его и самого нет в живых. Кстати, я неоднократно слышала о том, что он трагически погиб. А как это получилось?

– Ох, об этом даже вспоминать трудно. – Инесса приложила пальцы к вискам. – Словно злой рок надо мной довлеет: первый муж погиб, потом второй... даже не успев им стать официально. В общем, в один злосчастный день Аркадий отправился на яхте по Волге и случайно соскользнул с палубы. Одним словом, он утонул. Похоронен рядом с Александрой. Если бы он хотя бы с кем-нибудь был, а то как на грех один! Ему даже на помощь позвать было некого.

– А Александра отчего умерла?

– От рака желудка. Очень скоротечно.

Я быстренько догрызла большое спелое яблоко и принялась за грушу, порадовавшись, что не страдаю никакими желудочными заболеваниями, и мысленно сплунув.

– Ну а кто же еще вас ненавидел?

– Даша с Пашей! Идиотская парочка! Это Ольга их в дом притащила, я бы с такими общаться не стала. Ну Даша с Ольгой одного поля ягоды: вертихвостки необразованные, нигде толком не учились, работать обе не хотели, мечтали только мужчин богатых захомутать. До сих пор поражаюсь, что Кирилл в Ольге нашел? Он совсем другой: интеллигентный, скромный,

окончил экономический институт, читает много, джаз слушает. Компьютером хорошо владеет, все время в Интернете какие-то интересные новинки ищет в области культуры... Он даже мне тексты нужных авторов скачивал несколько раз – я сама с компьютером не умею обращаться. А Ольга только задницей крутит. Ничего ее не интересует. Вот теперь сидит у матери и ждет, когда Кирилла посадят, рассчитывает, что получит что-нибудь после развода.

– Она уже приходила ко мне, слезы размазывала, жаловалась, как им тяжело.

Это сказала уже Кассандра, и я вопросительно уставилась на нее.

– Да, и я ее выставила, – жестко сказала та. – Потому что она сразу же, как Кирилла арестовали, от него отказалась. Тут же про развод заговорила. К Инессе ни разу в больницу не пришла. Вот я и велела ей убраться.

– А она что, не прописана здесь?

– Нет, не прописана. Слава богу, у Кирилла на это ума хватило. Да и вообще, она меня всегда побаивалась. Поэтому быстренько хвост поджала и к матери пошла.

– Кирилловы счета арестовали, поэтому денег у нее нет, – тихо добавила Инесса. – Немного наличности, конечно, оставалось, но боюсь, что она уже все потратила. Так что она не выдержала и пришла, мне Кассандра рассказывала.

– Я сказала, что раз она от мужа отказалась, так пускай на помощь не рассчитывает. Сидит и ждет суда. Ну а мы дожидаться не будем, парня выручать надо. Вот к вам обратились.

– Это вы хорошо сделали, – согласилась я. – Но пока мне также непонятно, какие мотивы могли быть у Ольги, а тем более у Паши с Дашей для убийства. Они ладили с Игорем, с вашим женихом?

– Во всяком случае, конфликтов между ними никогда не возникало. Общались, смеялись...

– Владимиру Ефремовичу тем более не было никакого резона, – развела руками Кассандра, хотя я сейчас не упоминала этого человека. – Ему-то с какой стати? И к Инессе он, кстати, относится хорошо, уважительно. Всегда букет роз приносил роскошный. Ромки вообще не было, он за самогоном ездил.

– Так, давайте пока характеристики ваших гостей оставим, я со всеми еще познакомлюсь, и попробуем мысленно восстановить картину происшедшего. Больше всего меня удивляет, как могло получиться, что никто не видел самого поджога. Вроде бы столько народа, все на свежем воздухе, на виду... Как так получилось?

– Я теперь уже смутно все помню... – печально проговорила Инесса. – Да еще после стольких операций, наркоза... Память моя еще не до конца восстановилась. Я помню только, что многие ходили на пруд купаться. Кто-то в дом заходил, выходил... Но это же еще до того было, как мы в баню пошли! В бане же я не могла ни за чем наблюдать!

– А я спала, – напомнила Кассандра. – И вообще, в тот момент никто не знал, что произойдет такая ужасная трагедия! Все были веселые, радостные. Естественно, никто ни за кем не следил.

– И Владимир Ефремович ходил купаться на пруд?

– А как же! Он плавает отлично, в воде себя как рыба чувствует. Вот только с кем он ходил и когда, я не помню. А Тамара не осталась ночевать, она к этому моменту уже уехала.

– Когда она уехала и на чем?

– Ну так как все были выпивши, то она поехала на автобусе, от дачи до станции совсем недалеко. Это было еще до того, как молодежь пошла париться в баню. Последний автобус отходит в половине девятого вечера, вот на нем она и уехала.

– В общем, пока выходит, что, несмотря на нелюбовь к вам многих из вашего окружения, мотива для убийства не прослеживается. Может быть, убить хотели все-таки Игоря... – Это я не спрашивала, просто рассуждала сама с собой.

– А Игоря-то за что? – Голос Инессы задрожал. – Он-то кому что плохого сделал?

– Не знаю, будем разбираться, – тоном милицейского следователя ответила я. А что мне было еще сказать? Пока что ясного было очень мало.

– Вот, кстати, я вспомнила, – поднялась вдруг со своего места Инесса. – Может быть, вам это поможет...

Она прошла к серванту, открыла его и достала пачку фотографий.

– Это мы снимались в тот день на даче, – пояснила она с печалью в голосе. – Разумеется, это не я проявляла и печатала...

– Это я, – вставила Кассандра. – Я подумала, что это действительно сможет помочь. Ведь фотографии обладают способностью запечатлеть то, что не видно обычному глазу.

Я уставилась на нее в ожидании объяснений.

– Как, вы не слышали об этом? – изумилась Кассандра. – Ну что вы, масса подобных случаев описана в специальной литературе!

– Я не читаю специальную литературу, – отрезала я. – Если только криминалистическую.

– Но это же так интересно! – продолжала вещать Кассандра. – Вот, например, был случай. Мужчина и женщина жили вместе, потом она умерла, и ее похоронили. И вот мужчине однажды стало плохо, он даже потерял сознание... А затем почувствовал, как к нему прикасается чья-то рука. Она гладила ему область сердца, и вскоре мужчине стало лучше, он смог подняться. А когда напечатали фотографию, то на ней ясно была видна женщина – та самая, с которой он жил! И даже в той же одежде, в какой она обычно ходила по дому. Что вы на это скажете?

– Только одно. Кто и когда умудрился сделать фотографию, если мужчине было плохо и он потерял сознание? И главное, зачем?

Мой резонный вопрос поставил Кассандру в тупик.

– Ну я не знаю, в книге об этом не говорилось или я забыла, – наконец произнесла она. – А вот другой случай, совершенно достоверный! В одной семье умерла старушка, мать мужа или жены, я не помню. А потом эта семья каждое утро стала обнаруживать на плите кастрюлю вкуснейшего борща – именно такого, какой варила эта бабушка. И главное, когда ночью кто-нибудь заходил в кухню, то никого не видел! Тогда они обратились в одну контору, и им установили скрытую камеру. И камера зафиксировала образ этой женщины и то, как она готовит у плиты! Представляете? Но вживую эту старушку так никто и не увидел. А после того, как ее сняла камера, она вообще перестала появляться. И борщ им уже никто не варил.

– Вот незадача, – вздохнула я. – Самим пришлось вертеться.

– Одним словом, – поджав губы, сказала Кассандра, – я надеялась на помощь этих фотографий.

– Возможно, они мне и помогут, – кивнула я. – Только не думаю, что на них проступит лицо убийцы. Но посмотреть, безусловно, стоит.

Я стала просматривать фотографии. На них были хорошо видны просторный двор, накрытый стол и участники вечеринки. Фотографий было много, состав изображенных на них людей менялся, менялось и качество – видимо, фотографировал не один человек.

Кассандра под села ко мне и, тыча пальцем в лица, рассказывала, кто есть кто.

– Вот это Игорь, – ткнула она в плечистого кудрявого шатена, стоявшего в обнимку с женщиной. Я поняла, что это Инесса. Наконец-то я смогла увидеть ее лицо, каким оно было до страшной трагедии: овальное, с очень нежными чертами, с большими ярко-голубыми глазами.

Инесса тоже подошла к нам.

– Это Ромка, – говорила она, когда рассматривала невысокого шуплого паренька в шортах и белой футболке. – Это Ольга, это Паша с Дашей... Вот мы все вместе за столом, это на пруду... Это мы в бадминтон играем с Игорем...

Она отвернулась, сдерживая слезы, проступившие то ли от того, что она вновь ощутила утрату жениха, то ли от того, что увидела себя здоровой и привлекательной.

– А где же Кирилл? – спросила я.

– Он вообще не любит фотографироваться, – развела руками Кассандра. – Это в основном он и снимал. Хотя вот он, но здесь его почти не видно.

Действительно, Кирилл Вавилов был изображен со спины, я видела только темный затылок и высокую фигуру в джинсах, обнаженную по пояс. Увидела я и сам дом, который был, как я и предполагала, тоже построен с размахом.

– А изображения бани здесь нет? – спросила я.

– К сожалению, нет, – вздохнув, сказала Кассандра. – Кто же мог знать, что она сыграет такую... роковую роль.

– Если бы знать заранее, никакой роковой роли бы не было, – тихо добавила Инесса.

– Вы возьмете фотографии с собой? – посмотрела на меня Лобоцкая.

– Да, на всякий случай. Не все, а только крупные планы.

Я хотела дома еще раз внимательно рассмотреть снимки в надежде, что найду на них что-то, что укажет мне правильное направление, хотя надежды на это было мало. В коттедже Вавиловых я провела еще около получаса, после чего решила направиться к Ольге Вавиловой. На прощание я запоздало вспомнила о просьбе Кассандры похвалить дом Вавиловых и уже возле двери заметила:

– Какой у вас очаровательный дом. Я ничего подобного не видела в Тарасове. – И расстроганная Инесса минут десять рассказывала о том, как Аркадий Леонидович искал нужного архитектора, грамотного, с опытом и художественным вкусом.

* * *

Адрес матери Ольги мне дала Кассандра. Обычный, ничем не примечательный район Тарасова, не центр и не окраина, панельная пятиэтажка с четырьмя подъездами.

На звонок открыла женщина лет пятидесяти, с простым лицом без макияжа, в ситцевом халате в цветочек, с усталым взглядом... Таких женщин в России миллионы, и они мало чем отличаются друг от друга, как судьбой, так и менталитетом. Она выжидательно смотрела на меня, а потом сама спросила:

– Вы к Ольге?

– Да, – обрадовалась я тому, что женщина сразу угадала, кто из ее семьи мне нужен.

– Проходите, – как-то равнодушно проговорила она и пропустила меня в квартиру.

– Бабушка, я хочу книжку читать, – выбежал в прихожую маленький мальчик, кареглазый, круглолицый и румяный.

– Подожди, Алик, сейчас я щи доварю, и мы с тобой почитаем. Пойдем, пойдем. – Она подтолкнула малыша в сторону кухни, а мне кивнула: – Ольга там.

Пожав плечами, я постучала в указанную дверь одной из двух комнат этой квартиры и сразу услышала:

– Да, ну что еще?

Я вошла и увидела сидевшую на табуретке перед трюмо девушку лет двадцати пяти, которая сосредоточенно красила ногти на ногах и всем своим видом выражала недовольство, что ее отвлекают. Она даже не подняла головы.

– Здравствуйте, Ольга, – произнесла я, и девушка тут же повернулась с удивленным видом, далеко в сторону отведя кисточку. Маленькая капелька перламутрового лака упала на пол.

– Здравствуйте, – растерянно ответила Ольга. – А... Что вы хотели?

– Меня зовут Татьяна Иванова, я частный детектив, занимаюсь расследованием преступлений, совершенного на даче Вавиловых в июле этого года, – отчеканила я. – Надеюсь, вы понимаете, о чем речь.

Ольга с полминуты молча рассматривала меня, затем закрутила флакончик с лаком, поставила его на трюмо и повернулась ко мне уже всем корпусом.

– Садитесь сюда, – показала она мне на деревянную кровать, покрытую атласным покрывалом. – Только меня уже допрашивали много раз, я все рассказала. И суд скоро... Все же ясно, зачем теперь по новой со мной говорить?

– Я же сказала, что я не из милиции, а частный детектив, – напомнила я. – Я веду собственное расследование.

– А что тут расследовать, если и так все ясно? – Ольга взяла с трюмо, заваленного всякой всячиной, пачку сигарет и закурила.

Мне тоже хотелось курить, и я не стала спрашивать разрешения, уже поняв, что с этой девушкой церемонии излишни. И вести себя с ней нужно уверенно и даже напористо.

– То есть вы уверены, что поджог совершил ваш муж? – спросила я.

– Ну конечно, – пожала плечами Ольга, глядя в сторону с нахмуренными бровями и быстро выпуская дым.

Ольга была привлекательной. Даже в домашнем халате и без прически: ее русые волосы были собраны в хвост на затылке. Черты округлого лица неправильные, но очень симпатичные: большие, широко расставленные серые глаза с чуть заметной раскосинкой, мило вздернутый носик, аккуратный рот с пухлыми губками... Если не красавица, то уж точно сексапильная девчонка. Из-под короткого халатика виднелись стройные загорелые ноги.

«А у Алика глаза карие, – почему-то подумала я. – И вообще он на нее не похож. Наверное, в отца пошел».

– А почему вы в этом так уверены? – спросила я. – Все-таки преступление очень жестокое... Неужели вы не удивились, что ваш муж, человек, с которым вы прожили не один год, вдруг решил на такое? В нем и раньше проявлялись подобные наклонности?

Ольга задумалась. Видно, мои слова вогнали ее в некий ступор.

– Нет, ну... – неуверенно проговорила она, откидывая пушистую челку со лба. – Нет, конечно, никакой жестокости я раньше в Кирилле не замечала – он вообще добрый человек. Но ведь... Ведь все видели, как он шел с канистрой к бане.

– Кто – все? – спокойно уточнила я. – Вы видели?

– Я? – совсем растерялась Ольга. – Нет, я не видела.

– Так кто же видел?

Ольга наморщила лобик.

– Паша видел! – наконец выдала она, обрадовавшись.

– Паша – это муж вашей подруги?

– Да, Даши. Зачем бы он стал врать?

– Это я выясню, – пообещала я, доставая блокнот. – Дайте мне адрес этих Паши и Даши.

– Ой, ну а их-то зачем сюда впутывать? – капризно надула губы Ольга.

– Они и так уже впутаны, поскольку присутствовали на дне рождения и были очевидцами пожара, – усмехнулась я. – Так что диктуйте.

Через полминуты адрес был записан, и я убрала блокнот.

– Ну вот видите, – снова повеселела Ольга. – И вообще, просто так в милицию ведь не заберут.

– Знаете, – со вздохом сказала я, – за свою богатую практику мне не раз приходилось бывать и в милиции, и в суде, и в прокуратуре... И могу вам со всей ответственностью заявить, что не так уж редки случаи, когда и в милицию забирают просто так, и судят невиновного человека. И слава богу, что часто в ходе судебного разбирательства удается выяснить, что обвиняемый не совершал преступления. И в случае с Кириллом вполне возможно то же самое. А главное, мне непонятно, почему вы так радуетесь, что его посадят? Вы что, хотите этого?

Ольга испуганно осеклась.

– Может быть, вы только и мечтали об этом? – продолжала я наступать, не повышая голоса. – Может, это вообще вы все подстроили, чтобы его посадили? Может быть, вы с Пашей в сговоре? Может, это вы подожгли баню?

Я внимательно следила за реакцией Ольги. С каждой моей новой репликой испуг в ее глазах усиливался. Наконец Ольга не выдержала и заголосила:

– Да что вы говорите, что вы говорите-то! Я даже не видела, как все это получилось, меня вообще в тот момент рядом не было!

– Так, а где вы были? – не давая ей опомниться, быстро спросила я.

– Мы на пруд ходили... С Пашкой, с Дашкой, с Кириллом...

– Так, вы мне врете! С каким же Кириллом, если говорите, что он в это время поджигал дачу? Вы путаетесь в показаниях, девушка.

– Ну так... Ой! – Ольга залилась слезами, но, увидев мой прокурорский взгляд, быстро вытерла их и, всхлипывая, продолжала: – Так мы же не все вместе возвращались! Кирилл быстрее всех пошел, а мы еще дурачились по дороге, в прятки стали играть, когда через лес шли... За деревьями прятались, бегали, смеялись... И этот дядька с нами был, моряк бывший, спросите у него.

– Что, тоже за деревьями прятался?

– Он... Нет, он не прятался, он просто шел, но смеялся вместе с нами. Потом Кириллу это надоело, и он вперед пошел, а мы следом. А когда к даче подошли, увидели, что баня горит...

– И Паша вместе с вами подошел?

– Да, кажется...

– Как же он мог видеть, что Кирилл шел с канистрой, если вы не видели?

– Да не знаю я, спросите у него! – закричала Ольга и, не выдержав, расплакалась.

В дверь осторожно заглянула ее мать.

– Закрой дверь! – завопила Ольга, швыряя в сторону двери розовую мягкую тапочку.

Я выждала минуту, потом сказала:

– Немедленно успокойтесь. Слышите? Успокойтесь и вспоминайте все. Вы действительно вчетвером подошли к даче? То есть вы, Паша, Даша, Владимир Ефремович?

Ольга принялась вспоминать.

– Нет, – наконец сказала она. – Даша с Пашей уже там были. И Кирилл. А Владимира Ефремовича еще не было, он на крик прибежал. Даша с Пашей носились вокруг, орали, а Кирилл за столом сидел как тронутый. Пальцем даже не пошевелил, пока мы с ведрами и канистрами с водой бегали. Слава богу, дядька этот, Владимир Ефремович, не растерялся, вытащил Инессу. А Игоря не успел.

Что ж, теперь более-менее понятно, почему никто не видел, как начался пожар. И опять же не ясно: где в этот момент была Тамара? И когда Паша мог видеть, что Кирилл несет канистру с бензином? И почему он уверен, что именно с бензином? Словом, вопросов было очень много, но вряд ли Ольга могла дать на них ответ. Эти вопросы я оставила на потом, на другое время и место, а пока обратилась к Ольге:

– Теперь расскажите мне про Игоря. Что вы о нем знаете? Все-таки вы примерно одного возраста, наверное, общались с ним. Тем более что он был друг Кирилла.

– Да я бы не сказала, что они так уж сильно дружили, – успокоившись, что разговор перешел на мирные темы, ответила Ольга. – Мне, честно говоря, этот Игорь не очень нравился.

– Почему?

– Ну он был какой-то нагловатый парень. Я таких не люблю.

– Скромных, значит, любите, – кивнула я.

Ольга вспыхнула.

– Вот вы смеетесь надо мной, – с упреком сказала она, – а я, между прочим, вам все как на духу рассказываю.

– За это огромное спасибо, конечно, – поблагодарила я, хотя была на сто процентов уверена, что Ольга рассказывает мне далеко не все. – Рассказывайте дальше.

– Ну... – Ольга замялась. – А что еще рассказывать-то? Мне он не очень-то был нужен, этот Игорь. Ну дружил с Кириллом, потом стал к Инессе клинья подбивать. Она, естественно, сразу растаяла. Клуша старая! – фыркнула Ольга, наглядно продемонстрировав свое рабоче-крестьянское происхождение.

– Вы недолюбливаете Инессу?

– С чего вы взяли? – тут же округлила глаза девушка.

– Вы ни разу не были у нее в больнице, – заметила я.

– А-а-а... – Ольга снова помрачнела. – Не была, потому что там постоянно торчала эта Кассандра. А я знаю, что она терпеть меня не может. А за что? Я, между прочим, законная жена, а вот она никто. Приживалка! Я сто раз говорила Кириллу, чтобы он запретил ей у нас появляться, а он как тряпка!

Мне уже давно было ясно, что за внешней идиллией, царившей в этом кругу, большинство членов компании терпеть друг друга не могли. Неизвестно, правда, какие чувства испытывали люди, с которыми я еще не встречалась, в частности Владимир Ефремович и Ромка. Насчет Тамары у меня уже выработалось кое-какое мнение, и мне казалось, что оно верное. Но это все эмоции, а вот мотивы, мотивы! В первую очередь, конечно, приходят на ум деньги. Но тогда все паши-даши, тети тамары и владимиры ефремовичи вообще не должны браться в расчет, поскольку не имеют к наследственным делам Вавиловых никакого отношения. Тем не менее без их показаний мне все равно не обойтись, как ни крути. Пока еще четкой кандидатуры на роль преступника не вырисовывалось.

– Альфонс несчастный! – продолжила тем временем разоряться Ольга в адрес покойного Игоря Кириченко. – Тунеядец!

– Почему тунеядец, он что, не работал?

– А зачем ему? – презрительно скривила губы Ольга. – Его же Инесса содержала! Нашел себе мамочку! Если честно, надоел он мне до смерти! Каждый день к нам таскался, торчал с утра до ночи, еще и ночевать иногда оставался. А у нас, между прочим, ребенок маленький. А Инесса, нет чтобы им заниматься, нам помогать, себе сыночка завела!

– А почему, собственно, она должна была заниматься вашим ребенком? – усмехнувшись, спросила я.

– А что ей еще делать-то? И потом, она, считай, ему бабушка...

– Ну вы-то тоже, кажется, не обременены особыми делами, – заметила я. – И все-таки вы его мать, а она даже не бабушка.

– Все равно, – буркнула Ольга. – Надоел этот Игорь.

– Настолько надоел, что его убили?

– Вы опять за свое! – вскричала девушка. – Не убивала я его! Я же говорю, когда я пришла, там уже люди были и огонь всюю полыхал. Так что у меня алиби!

И она с победным видом посмотрела на меня. Я же думала о другом. Если Игорь нигде не работал, значит, версия о том, что ему мог желать зла кто-то из коллег, отпадает сама собой. Инесса тоже была, если так можно выразиться, домохозяйкой. Следовательно, причины трагедии надо искать внутри этой компании, внутри отношений. Личных, финансовых – не знаю пока. А чтобы понять отношения внутри, порой нужен свежий взгляд снаружи. Внутри они уже все перегрызлись между собой, пусть и не открыто. Скрытый конфликт между многими налицо. А вот со стороны всю картину мог наблюдать Владимир Ефремович. И, насколько я успела понять его характер по рассказам, он был разумным человеком, не склонным к сплетням и огульному охаиванию своих знакомых. Пожалуй, следующий, с кем мне стоит пообщаться, это он. А также на повестке дня у меня Кирилл Вавилов. Для того чтобы с ним встре-

тяться, мне, естественно, придется пойти на поклон к своим друзьям из милиции, благо что приятелей-ментов, готовых оказать мне бескорыстную помощь, у меня достаточно.

– Ваш брат Роман сейчас дома? – спросила я.

– Нет, – буркнула Ольга.

– Но вообще он живет здесь?

– Вообще – здесь, но сейчас его нет, – не скрывая неприязненного отношения ко мне, сказала девушка. – И когда он будет, я не знаю. Вы еще и Ромку приплетаєте!

– Ладно, Ольга. – Я поднялась. – На сегодня я вас покидаю, но можете не сомневаться, что встретиться нам еще придется, и, возможно, не раз.

– Я вам все! уже! рассказала! – хлопая себя рукой по коленке, почти прокричала Ольга.

– Нет, не все, – улыбнулась я и пошла к двери. – До свидания.

* * *

Владимир Ефремович Стоянов имел свой собственный дом. Ему было далеко до роскоши коттеджа Вавиловых, но все же он представлял собой добротную постройку, одноэтажную, но с мансардой. Дом был обложен кирпичом, белый чередовался с красным. Высокое крыльцо, веранда. И главное, чисто и ухожено. В палисаднике все было аккуратно подметено, деревья – подстрижены. Мне понравились осенние астры – мохнатые, крупные, разных расцветок, хотя я вообще-то не люблю эти цветы. Еще краше выглядели белые и розовые хризантемы. Роскошных роз, о которых говорила Кассандра, я в палисаднике не увидела, но, должно быть, Владимир Ефремович выращивал их в специальном помещении, если занимался их разведением круглый год.

Адрес Стоянова, естественно, был раздобыт у Инессы, как и номер телефона, по которому я позвонила ему и договорилась о встрече. Я не сомневалась, что Стоянов сразу на нее согласится, и не ошиблась. Он уже стоял на крыльце, поджидая меня, – действительно, высокий статный мужчина с благородной сединой на висках и мужественным лицом моряка. И хотя он был одет в обычную рубашку и мягкие домашние брюки, я четко себе представила, как, вероятно, идет ему парадная морская форма.

– Машину вы сюда, к сожалению, не загоните, – поздоровавшись, крикнул он мне. – Места мало. Мне самому приходится свою на стоянку ставить. А так хотелось собственный гараж иметь.

– Ничего страшного, – махнула я рукой. – Она у меня на сигнализации, да и ненадолго я к вам, Владимир Ефремович.

– Ну это как разговор пойдет, – улыбнулся он, приглашая меня в дом.

Внутри дом был деревянным.

– Это я сам его кирпичом обкладывал, – пояснил Стоянов. – Можно было, конечно, заново построить, но я дерево люблю. Запах от него, знаете, какой-то особенный, домашний, родной... И теплее в деревянных стенах, чем в каменных. Сентиментальным становлюсь на старости лет, что ли...

И он тихо засмеялся, покачав головой, без всякого намека на кокетство. На столе стояли большой чайник, мисочка с вареньем, ваза с конфетами. Мне Владимир Ефремович налил чаю в большую чашку, а себе – в темно-вишневую кружку.

– Признаться, я обрадовался, когда вы позвонили, – медленно проговорил отставной моряк.

– Я это почувствовала по вашему тону, – призналась и я. – Вы не верите в виновность Кирилла?

– Нет, не верю. И, честно говоря, не знал, что делать, чтобы ему помочь. Общался, конечно, с милицией, приводил им свои доводы, но кто меня станет слушать? Решил, что будем

ждать суда, а там уж разберутся. Конечно, надеялся там выступить, многое объяснить, чтобы суду понятно стало, что парень ни при чем. А все равно на сердце беспокойно было, нехорошо.

– Вы так уверены только потому, что много лет знаете Кирилла? – спросила я.

– Нет, не только. Хотя и это имеет значение. Я действительно знаю Кирилла не то что много лет, а с самого рождения. Я был дружен с его отцом и матерью.

– Простите, может быть, мой вопрос покажется вам бестактным, но все же почему вы каждый год приходили на день рождения Александры, которой давно нет в живых? Ведь это день рождения не вашего друга, а его жены.

Владимир Ефремович откинулся на стуле с кружкой в руках и задумался. В глазах его явно проступила печаль, вернее, какая-то светлая грусть.

«Сентиментальным становлюсь на старости лет», – всплыла у меня в голове недавно брошенная им фраза. Вот именно, взгляд Владимира Ефремовича стал сентиментальным, даже каким-то ностальгическим. Он прикрыл глаза и посидел так с минуту. Я не торопила его.

Стоянов очень быстро вернулся в прежнее расположение духа, улыбнулся мне и лукаво подмигнул:

– Извините, просто это моя молодость. То, что дорого любому человеку после того, как заканчивается навсегда. Дело в том, что я был влюблен в Сашу. Давно это было, еще в юности. Мы ведь с Аркадием вместе с ней познакомились, на танцах в парке... Но она стала встречаться с ним, а потом и замуж вышла. Разумеется, я нисколько этому не мешал. Конечно, она догадывалась о моих чувствах, но разговора на эту тему между нами никогда не заходило... У них долго не было детей, Кирилл родился, когда Аркадию было уже за тридцать.

– И что же, вы так и любите Александру по сей день? – удивленно спросила я.

Стоянов усмехнулся.

– Любить можно лишь живого человека. А вот память хранить... это совсем другое дело. Нет, вы не подумайте, что я всю жизнь только и делал, что грезил о Саше. Я был женат, правда, детьми не довелось обзавестись. Но не из-за этого моя семейная жизнь разбилась. Впрочем, к тому делу, которым вы занимаетесь, это не имеет никакого отношения. Просто вы спросили – а я ответил. Это моя юность, моя память.

– Я поняла, – кивнула я. – Спасибо вам за откровенность. Но давайте вернемся к делу. Так что же заставляет вас сомневаться в виновности Кирилла?

Владимир Ефремович задумчиво погладил подбородок.

– Когда мы пришли из леса, – сказал он, – я обратил внимание, что Кирилл стоит возле сарая и в руках у него шланг. Видимо, это было первое, что пришло ему в голову, – залить огонь из шланга.

Стоянов замолчал. Я кашлянула, но развернутого продолжения не получила.

– Простите, – вынуждена была сказать я, – но я ничего не поняла. То есть он хотел спасти Игоря и Инессу, так? Но почему же тогда не сделал этого?

– Потому что после восьми вечера воду в поселке отключают, – грустно улыбнувшись, пояснил бывший моряк. – Шланг просто не к чему было присоединить. Вернее, присоединить, конечно, можно было, но бесполезно. Кирилл был единственным, кто пытался сделать что-то разумное и действенное.

– И вы стали спасать этих несчастных своими силами, – напомнила я. – А что же Кирилл вам не помог?

– Ну я сам велел никому не подходить даже близко к бане. Все-таки из присутствовавших я был наиболее подготовленным в таких делах человеком, пожар тушить приходилось. Да на корабле много чего приходилось!

– Но Кирилл, как говорят, вообще ничего не делал, просто сидел за столом, и все. Словно ждал, когда все решится само собой!

Я так дотошно выпрашивала Владимира Ефремовича не потому, что сама уже убедилась в виновности Кирилла Вавилова – мне было важно знать его мнение. Он проявил себя как самый адекватный и непредвзятый человек. Поэтому я очень ждала его объяснений.

– Кирилл не любит лишних движений, – просто сказал Стоянов. – Он понимал, что толку от его действий не будет. А почему он сидел за столом... Полагаю, об этом лучше узнать у него самого. Может, это был психологический шок, может, он думал, что они сгорят насмерть и заранее переживал последствия этой трагедии. Вот встретитесь с ним и спросите у него. Кстати, мне и самому хотелось бы это знать.

– Вы так уверены, что я с ним встречусь?

Владимир Ефремович вновь улыбнулся.

– Я думаю, вы сумеете это сделать. Он – одна из главных фигур того вечера, да и вообще всей ситуации. И вы не можете этого не понимать. Более того, я уверен, что вы соберете нас всех и повезете в Вишневы поселок.

Я невольно посмотрела на него с уважением.

– Можно подумать, что вы учились, по крайней мере, в школе милиции.

– Я учился в мореходном училище, о чем нисколько не жалею. Просто это, на мой взгляд, очевидные вещи.

– Увы, они не столь очевидны для остальных участников, – вздохнула я. – И тем более в этой ситуации мне приятно общаться с таким человеком, как вы.

– Я абсолютно рядовой человек, – махнул рукой морской офицер. – Просто я старше их всех и больше видел в жизни.

– А вы не можете воспроизвести... так сказать, картину происшедшего?

Стоянов сразу же понял меня и задумался.

– Я и сам размышлял, – наконец проговорил он, – почему так вышло, что никто не видел самого момента поджога. Все разбрелись кто куда, двор опустел... Вероятно, никому не хотелось сидеть там в одиночестве, вот и разошлись: кто купаться, кто передохнуть. И потом, эта компания... Я никого не хочу обидеть, но она цельная, только когда все вместе. А так все эти люди не очень-то ладят между собой. Может быть, даже не отдавая себе в этом отчета. Например, та же Инесса может доброжелательно и искренно говорить за столом с Тamarой, вспоминая Аркадия, но представить этих женщин в другой обстановке, мило беседующих вдвоем о своем, о девичьем, я, извините, не могу.

– То есть у многих была открытая неприязнь друг к другу? – уточнила я.

– Разве я сказал «открытая»? Я же говорю, они могут сами себе не отдавать отчета в том, что в другой день, в другом месте, наверное, не стали бы общаться между собой. Их связывала дача, память об Александре и Аркадии – вот и все. И ничего удивительного в этом нет, все мы разные, все. Вот вы сейчас разговариваете со мной и, возможно, будете беседовать еще не раз. Но почему? Разве потому, что вам просто приятно мое общество?

– Не стану скрывать, оно мне приятно, – честно сказала я.

– Не стоит, я не об этом! Я имею в виду то, что вы тратите на меня время потому, что расследуете этот пожар. Только в этих условиях возможно наше общение, понимаете? Пройдет время, и вы в лучшем случае однажды мельком вспомните пожилого отставного моряка, и то уже забыв черты моего лица. И ничего удивительного и тем более страшного в этом нет. Так и все эти люди: они собираются вместе лишь в определенных условиях, в условиях...

Конечно же, я понимала, о чем говорит Владимир Ефремович. В сущности, он говорил простые вещи, которые я почему-то не смогла для себя сформулировать, нутром прекрасно их понимая.

– Так что не нужно думать, будто кто-то из них кого-то сильно ненавидел и все эти годы копил злобу и планировал коварное преступление. Все было совсем не так...

– А как было? – раскрыла я рот от удивления. – У вас что, есть четкая версия?

– Четкой, увы, нет, иначе я изложил бы ее в милиции, – развел руками Стоянов. – Но, на мой взгляд, многое указывает на то, что это было сделано, что называется, наудачу. Ведь нельзя было предугадать, кто и где окажется в тот момент. Нельзя было предугадать, что Инесса и Игорь сторят насмерть. Они могли оба остаться в живых, вернись я чуть раньше.

– Но ведь преступление все же было совершено! Не просто же ради шутки!

– Мотивы, мотивы... – вздохнул Владимир Ефремович. – Вот что самое главное. Мне это не дает покоя. На первый взгляд ни у кого, кроме Кирилла, этих мотивов нет. А они должны быть, хотя бы один, но весомый! Не просто какая-то призрачная ненависть непонятно по каким причинам. Узнаем мотив – станет ясно, кто убийца. Только так.

В сущности, рассуждения Владимира Ефремовича совпадали с моими. Совсем недавно, перед встречей с ним, я как раз размышляла над мотивами. А Стоянов, оказывается, ломает голову над тем же самым уже который месяц. И не может найти ответа... На какой-то момент мне подумалось, что мне-то и подавно не суждено будет его найти, но я тут же откинула эти мысли. Это что еще такое, Татьяна Иванова? Что это вы в уныние впали? Уныние – один из смертных грехов, не забывайте об этом, какой бы атеисткой вы ни представлялись! Что это вы вздумали сдаваться в самом начале расследования? Да иногда несколько месяцев приходилось пахать, пока истина наконец появлялась на свет. А здесь еще и работы толком не было. Да нужно радоваться, что судьба послала такого человека, как Стоянов, он может оказаться отличным помощником, советчиком. Так что слушайте его внимательно, Татьяна Иванова, и все запоминайте. А потом будете делать выводы.

– Вы что-то приуныли, – заметил и Стоянов. – Давайте-ка я вам чайку свежего подолью. Сейчас заварю только. Вот, например, со зверобоем. Отлично повышает настроение! С ним никаких новомодных антидепрессантов не нужно, это я вам со знанием дела говорю.

Стоянов насыпал в заварочный чайник травы, добавил заварки, еще каких-то семян, после чего залил все это кипятком и укутал полотенцем.

– Через десять минут будем наслаждаться, – снова подмигнул он мне. – Вы не унывайте. Я-то дома сижу и только думаю, а вы работаете. Следовательно, у вас и возможностей куда больше.

– Вы прямо как будто мои мысли читаете, – усмехнулась я. – Только не говорите, что вам много лет и вы больше видели в жизни.

– А я и не говорю. Я уже сказал, – улыбнулся Владимир Ефремович. – Я вам сейчас скажу еще одну вещь... Уж не знаю, имеет ли она отношение к произошедшему, но мне кажется, что в последнее время Кирилл как-то изменился. Он стал... Он перестал быть таким спокойно-беззаботно-счастливым человеком, как раньше.

– В последнее время – это когда? За месяц до трагедии, за два?

– Мне кажется, гораздо раньше, – задумчиво постучав пальцами по своей кружке, проговорил Стоянов. – Еще на прошлом дне рождения он был уже не таким. Не могу точно определить, в чем это выражалось, но перемены произошли, это несомненно.

– У него погиб отец, – напомнила я. – Он остался сиротой. Может быть, он просто так сильно переживает смерть родного человека.

– Кирилл всегда был больше привязан к матери, – возразил Владимир Ефремович. – Между ним и Аркадием не было особой эмоциональной привязанности, к сожалению. Безусловно, они любили друг друга, и Аркадий всегда искренне заботился о сыне, но вот близости, истинной, родной, не замечалось. Так что вряд ли он по сей день не оправился от удара. Прошло больше трех лет. Случилось много событий: женитьба, рождение сына... К тому же учеба, работа, всякие заботы. Нет, причина в чем-то другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.